

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ И СПРАВОЧНИКАХ

© 2011

Н. Ф. Алефиренко

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИДИОМЫ КАК ПРЕДМЕТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье раскрывается сущность семантической структуры идиомы как объекта описания фразеологического словаря культурно-познавательного характера. Смысл, по мнению автора, с одной стороны, объективен, поскольку является результатом отражения действительности, с другой стороны, субъективен, т. к. является элементом индивидуального сознания.

Ключевые слова: значение, идиома, концепт, смысл, фразема, фразеосимиозис, смысловые фасеты, ментальная модель.

Поскольку смысл — не только научное понятие, но и категория обыденной, житейской философии, его содержание создаёт для фразеографа иллюзию само собой разумеющегося феномена. Особенно чревато такое заблуждение при создании фразеологических словарей культурно-познавательного характера.

Смысл есть «отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» [Леонтьев 1969: 216]. Если исходить из данного определения, то смысл фразеологической единицы (ФЕ) (фраземы) обладает несколькими признаками: а) он результат отражения действительности, б) субъективен, в) элемент индивидуального сознания. Разделяя данное понимание сущности смысла, З. Д. Попова и И. А. Стернин пишут: «Конкретная личность, овладевшая значениями, включает их в свою деятельность, возникают определённые отношения носителя языка к данному значению, и оно приобретает для данной личности смысл, который представляет собой факт индивидуального сознания» [Попова 2007: 98]. В такой интерпретации смысл ФЕ базируется на конкретном значении как «определённое отношение носителя языка к данному значению». Адекватно раскрыть в словарной статье релятивную сущность смысла ФЕ можно, только предварительно (виртуально) поместив его в единую трёхэлементную систему отношений «концепт — смысл — значение». Смысл в такой интерпретации является наряду с концептом одним из компонентов значения (*концепт + смысл > значение*). При этом считаю необходимым подчеркнуть открытый характер концепта, противопоставляя такое понимание тем авторам, которые видят в нём абстрактную, сте-

Алефиренко Николай Фёдорович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета. E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

рильную сущность типа «количество» или «текст». Фразеомобразующий концепт — это, скорее, некий конденсат не оформившихся, неустойчивых, туманных ассоциаций. Их единство и когерентность зависят, прежде всего, от функции концепта. По мнению О. А. Алимурادова, «концепт одновременно историчен и интенционален, он является той побудительной причиной, которая вызывает к жизни дискурс» [Алимуратов 2003: 37]. А дискурс, в свою очередь, — категория фразеоморождающая. Представление в словарной статье концепта необходимо для того, чтобы ретроспективно восстановить цепочку причин и следствий, движущих сил и интенций фразеомозиса. В отличие от фраземознака концепт несколько не обособлен от действительности: он всегда связан с той или иной денотативной ситуацией. Через концепт в дискурс вводится новая событийность. Причём фразеомобразующий концепт представляет не саму реальность, а определенные представления о ней через предметно-чувственный образ, через отношения к которому появляются в нашем сознании смысл и концепт. «При переходе от смысла к <...> знаку образ теряет какое-то количество знаний, но зато вбирает в себя знания, содержащиеся в концепте» [Алимуратов 2003: 47]. Ведущую роль в этом играет дискурс. Именно благодаря дискурсу концепт как целостное образование соответствует означающему фраземному знаку, имеющему многокомпонентную структуру. Соотношение фразеологического значения и совокупности смыслов одноимённого концепта многопланово и причудливо. Так, в концепте «Игра» по существу отсутствуют смыслы 'безделье', 'несерьёзное времяпрепровождение', но они весьма актуальны для фраземы *играть в бирюльки* и её фразеомобразующего концепта «Пустяк» (см. [Алефиренко 2008: 35]).

В смысловой структуре концепта, как неоднократно отмечалось, весьма велика роль субъективных компонентов: 'даром, попусту тратить время'; 'праздность, безделье'. Однако набор таких субъективных компонентов ограничен: субъект действует, мыслит в пределах некоего дискурсивно-смыслового пространства, границы которого с точки зрения данного коммуникативного акта объективны. Другими словами, фразеологическое значение формируется на основе «профилирования» (термин Р. Лэнекера) конкретного высказывания, расстановки смысловых акцентов в данной речемыслительной ситуации.

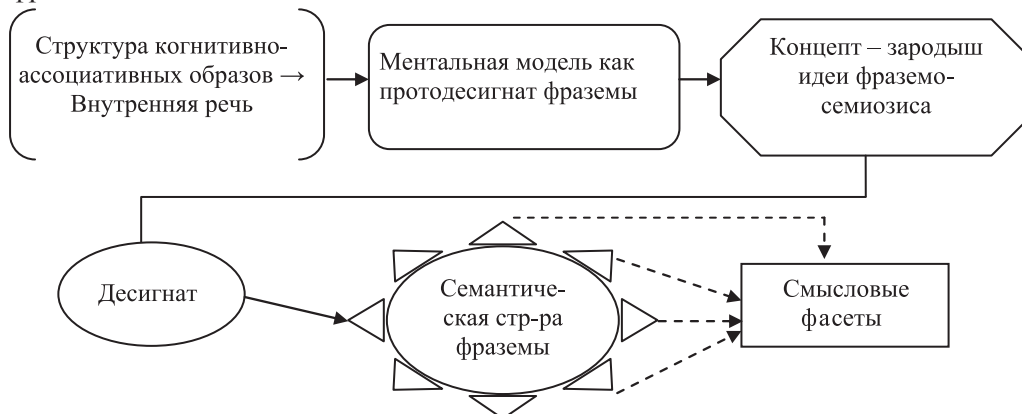
Таким образом, для словарной репрезентации смысла фраземы важным является не только её системное значение, но и значение структуры, которая осмысливается на основе характера субъектно-объектных отношений в рамках высказывания. При этом фразеологическое значение является не узким набором признаков, необходимых для идентификации класса ситуаций, а достаточно широким спектром знаний, в том числе и имплицитных.

Известно, что потенциально важная информация как объект чувственного переживания обычно нуждается не столько в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, передающем ценностно-смысловые отношения к ней субъекта познания, который может быть не только персональным, но и коллективным. Со столь сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации не справиться. Поэтому языковое сознание, подключив ассоциативное мышление, вынуждено искать для этих целей знаковые опосредователи косвенно-производного характера. Наиболее яркими среди них являются фраземы.

Репрезентация знаний о первичной денотативной ситуации, нуждающейся в коммуникативно-прагматической аранжировке, первоначально представляется предзнаком, затем через пропозициональную матрицу и ментальную модель — пропозицией, проецирующей *фреймовую* структуру фразеологического значения (ФЗ). Фрейм — наиболее типичная для фразеологической семантики когнитивная структура потому, что знания в ней формируются вокруг некоторого концепта, с которым и ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация (ср. [Дейк Ван 1989: 16]). Структура фразеологического значения в таком случае приобретает полевою организацию: его ядро по своему генетическому источнику соотносится с концептом, а периферия — с субконцептами единого фразеомобразующего фрейма. Соотносимое с концептом ядро ФЗ представляет собой его *интенционал*, а периферия, соотносимая с объединёнными во фрейм субконцептами, — *импликационал*. Так, ядром значения неофраземы *железный занавес* — ‘маска непроницаемости’ служит концепт «Непроницаемость», обобщённо представляющий вторичную денотативную структуру «сохранять (делать) индифферентное выражение лица, скрывающее мысли и настроение человека». С первичным денотатом генетическими узлами связан импликационал (периферия ФЗ) «намеренно своим поведением или выражением лица что-л. скрывать». Его денотативными коррелятами являются две устойчивые ситуации: а) «выстраивать прочную, непроницаемую преграду» и б) «внешняя политика закрытого общества». Именно эти денотативные ситуации служат аферентно-ассоциативными источниками фразеологической коннотации первой степени: «маска, скрывающая лицо», ассоциирующаяся с известным образом «железной маски» и т. п. Позже уже на основе ингерентных ассоциаций формируются фразеологические коннотации второй степени: а) «непроницаемое для других выражение лица»; б) «надёжная маскировка». Благодаря тому, что выделенные коннотации находятся между собой в определённых смысловых связях (генетических, парадигматических, эпидигматических), они образуют сложную импликациональную структуру фреймового типа. Для фразеографического описания когнитивно-познавательного поля ФЕ нужно помнить, что в образовании такого рода импликациональной структуры прежде всего принимает участие ментальная модель, которая, являясь дознаковой стадией процесса фраземосемиозиса, всегда предшествует формированию сигнификативного компонента ФЕ.

Взгляд на десигнат фраземознака как *производную* структуру от соответствующей ментальной модели делает правомерным обращение к процедурной семантике. Семантика ФЕ, как и любого другого языкового знака, с точки зрения процедурной семантики, является *конечным* результатом процесса вербализации ментальной модели при порождении фразеоцентрического высказывания и *начальным пунктом* процедуры понимания этого высказывания при его рецепции. Промежуточным, но не менее важным для фразеографии этапом порождения и понимания ФЕ выступает фаза концептуализации (возникновение в сознании концепта — зародыша идеи фраземосемиозиса) и фаза сигнификации (образование десигната — последнее обязательное условие порождения, использования в речи и понимания интенциональной семантики ФЕ (как, впрочем, и смыслового содержания всего фразеоцентрического высказывания, если под семантикой понимать динамическое единство значения и смысла). Возможность смысловых ва-

риаций ФЕ обеспечивается достаточно гибким импликационалом фразеологической семантики, который можно представить в виде фасет (франц. *facette* — букв. ‘грань’), расположенных вокруг интенционала (предметно-понятийного ядра) фразеологического значения.

В теорию когнитивной лингвокультурологии понятие фасеты вошло с лёгкой руки Ю. С. Степанова. Понятие «фразеологическая фасета» в теорию когнитивной семантики ввела Л. Г. Золотых. Под фразеологической фасетой она понимает «аспектное представление дискурсивного смысла “когнитивного многогранника”, содержащего одну из лингвокреативных интерпретаций фразеологического концепта — импликационала соответствующего фразеологического значения» [Золотых 2007].

Фразеологический концепт может обрамляться несколькими фасетами, каждая из которых отражает соответствующий признак обозначаемой денотативной ситуации. Так, можно говорить о нескольких фасетах концепта «Грусть», каждая из которых объективируется отдельной ФЕ. Ср.: *вешать голову (головушку)*, *вешать нос <на квинту>*, *брать (хватать) за душу (за сердце)*, *скребёт на душе (на сердце)*, *кошки скребут (скребутся, скреблись) на (в) душе [на (в) сердце]*. Однако разные фасеты этого концепта объединяет общий единый символ печального образа, что относится к сфере коллективного бессознательного, специфически проявляющегося в разных лингвокультурах. Ср. фразеологическую репрезентацию того же концепта в украинском языке: *тривога душу (серце) обгортає чию, (чье); душа (серце) не на місці в кого; обіймає неспокій кого; гризе неспокій кого; гризе неспокій (непокій) серце чье, кого; серце завмирає (замирає) в кого, чье; коті (кішки) скребуть (скребли, шкребуть) душу (на душі, на серці, за серце) в кого; на серці [наче] миші шкребуть (шкрябають) у кого.*

Одинаковые концепты имеются во многих лингвокультурах. И всё же, порой, невидимые различия между ними есть. Они, как полагает Ю. С. Степанов, касаются лишь способа «технического» представления этого концепта, т. е. его внутренней формы (см. [Степанов 2001]). Благодаря внутренней форме концепты, разными фасетами, словно тени, неотступно сопровождают ФЕ, объединяя их в синонимические ряды и порождая новые фразеосемантические варианты.

Находясь на периферии фразеологической семантики, фасеты чутко реагируют на дискурсивно-смысловое поле, в «силовое притяжение» которого попа-

дает ФЕ. Так, ментальная модель (протодесигнат) отображает концепт «Слухи», который, в свою очередь, является носителем идеи «распространять неправдоподобные сведения». Данная идея в процессе фраземосемиозиса превратилась в десигнат (интенционал, ядро) фразеологического значения ‘распускать сплетни / слухи’. Из нескольких фасет (сплетни, слухи, разговоры, трезвон, враньё), которыми располагает импликационал фразеологического значения, в данном дискурсе активизируется фасета ‘выдумывать’.

В связи с когнитивно-дискурсивным подходом в словарной статье могут быть выделены два аспекта семантики ФЕ: её смысловая основа и интерпретационный компонент. Имеется в виду способ представления исходного («глубинного») смысла в «поверхностных» значениях, выражаемых лексическими компонентами ФЕ.

Итак, смысловое содержание идиомы в его словарной репрезентации представляет результат взаимодействия языкового значения (семантической амальгамы, формируемой переосмысленными значениями лексических компонентов ФЕ и их фразеомобразовательной комбинаторикой), контекстуальной, ситуативно-дискурсивной и энциклопедической информации. В конечном итоге, при составлении словарной статьи следует помнить о таких составляющих раскрываемого смыслового содержания идиомы, как интенциональность, импликации и пресуппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф.* ПротOVERбальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация // Филол. науки. — 2002. — № 5. — С. 72–81.
- Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г.* Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики — М.: Элпис, 2008. — 472 с.
- Алимурадов О. А.* Смысл. Концепт. Интенциональность. — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. — 238 с.
- Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникации. — М.: Прогресс, 1989. — 438 с.
- Золотых Л. Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. — Астрахань: ИД «Астрахан. ун-т», 2007. — 265 с.
- Леонтьев А. А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). — М.: Смысл, 2001. — 392 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 315 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академ. проект, 2001. — 990 с.
- Шулежкова С. Г.* К истории формирования концепта «Праздник» у восточных славян // Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. — Т. 2. — С. 148–152.
- Barsalou L. W.* Frames, concepts, and conceptual fields // Frames, fields and contrasts: New essays in semantic and lexical organization. — Hillsdale, N.J. etc.: Lawrence Erlbaum, 1992. — P. 155–169.
- Johnson-Laird P. N.* Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — P. 513
- Spaginska-Pruszk A.* Intelkt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwatskiej (z problemów jezykowego obrazu swiata). — Gdansk: Wyd-wo uniwersitetu Gdanskiego, 2003. — 303 s.